

Марина Лис

Ведьма по ошибке

или Академия нервных магов

Марина Лис

**Ведьма по ошибке, или
Академия нервных магов**

«Автор»

2026

Лис М.

Ведьма по ошибке, или Академия нервных магов / М. Лис —
«Автор», 2026

Меня зовут Алевтина, мне 38, и моя жизнь — это сплошной «день сурка»: работа, ипотека, бывший муж и кот-аллергик. Я мечтала о спокойном отпуске, но случайно разбила старинную вазу своей эксцентричной соседки. Теперь я — студентка Академии Стихийных Невзгод, и меня подозревают в убийстве профессора-алхимика! Вместо заслуженного отдыха — нервные маги, ожившие скелеты в шкафу (буквально!) и красавец-ректор, который, кажется, что-то скрывает. Придется найти настоящего убийцу, сдать сессию по артефакторике и попытаться не влюбиться. Второй раз. На те же грабли.

© Лис М., 2026

© Автор, 2026

Марина Лис

Ведьма по ошибке, или Академия нервных магов

Содержание

Часть 1: «Культурный шок по-магически»

Глава 1: Конец прекрасной эпохи, или Слоники тоже плачут.

Глава 2: О пользе домашних тапочек в межпространственных путешествиях.

Глава 3: Факультет Общей Магии, или Куда приводят мечты о спокойной старости.

Глава 4: Фиолетовый туман, или Закон подлости в действии.

Глава 5: Дознатель, ректор и семь дней на спасение.

Глава 6: Подозреваемые, таблицы и бухгалтерский подход к убийству.

Часть 2: «Расследование дилетантки»

Глава 7: Допрос аристократа, или Искусство прикидываться дурочкой.

Глава 8: В подвале некроманта, или О пользе влажных салфеток.

Глава 9: Библиотечный лабиринт, или Первое покушение.

Глава 10: Тайник шантажиста, или Гроссбух, который всё меняет.

Глава 11: Связь Клариссы, или То, о чём молчали сорок лет.

Часть 3: «Зелье правды и семейные тайны»

Глава 12: Борщ для ректора, или Тайна, скрытая в pastлых письмах.

Глава 13: Лабораторный саботаж, или Тот, кто не хотел, чтобы правда всплыла.

Глава 14: Магия Хранительницы Очага, или Сила, которая не поддаётся учебникам.

Глава 15: Финансовый отчёт по делу об убийстве, или Ловушка для убийцы.

Глава 16: Новая глава, или Консультант по нерешаемым вопросам.

Глава 17: Засада в библиотеке, или Боевое крещение Хранительницы.

Часть 4: «Финансовый отчет по делу об убийстве»

Глава 18: Суд, оправдание и предложение, от которого невозможно отказаться.

Глава 19: Контора «Брусникина и партнёры», или Новая жизнь, в которой есть место магии.

Часть 1: «Культурный шок по-магически»

Глава 1: Конец прекрасной эпохи, или Слоники тоже плачут.

Если бы тридцать восемь лет назад, когда меня, орущий свёрток с бантом, выписывали из роддома, кто-нибудь сказал, что пиком моего личного гедонизма станет поедание шоколадного батончика с орехами и просмотр старого сериала в полном одиночестве, я бы, наверное, возмущённо пукнула. Но тридцать восемь лет спустя, сидя в своей «двушке» на улице Строителей, я, Алевтина Сергеевна Брусникина, бухгалтер от Бога и просто уставшая женщина, признавала эту истину с глубоким, почти буддийским смирением.

За окном моросил классический осенний дождь, превращая вид на панельную девятиэтажку напротив в абстрактное полотно, достойное кисти какого-нибудь депрессивного импрессиониста. В квартире, однако, царил уют, выстроенный и выстраданный лично мной. Обои в мелкий бежевый цветочек, купленные на последней распродаже в строительном гипермаркете. Ламинат «под дуб», по которому так приятно цокали коготками лапы моего единственного и неповторимого мужчины. Мебельная стенка «Аллегро», пережившая два переезда и одного мужа. И, конечно, гордость коллекции — фарфоровые слоники, выстроившиеся на верхней полке ровной шеренгой, от самого большого, патриарха с поднятым хоботом, до совсем крошечного слонёнка, которого можно было принять за серую мышь, если бы не бивни.

Мой единственный и неповторимый мужчина по кличке Астон (полное имя Астон Мартин, ибо в момент его появления в моей жизни я ещё верила в прекрасные автомобили, а не только в общественный транспорт) сладко похрапывал в моём любимом кресле. Астон был котом породы сфинкс. Не по родословной, а по факту — его лысая, складчатая тушка цвета перезрелого персика была результатом запущенной аллергии, которая лишила его всякой шерсти, но наградила сквернейшим характером и безграничной любовью к грелке. Он походил на сморщенный пельмень, забытый на кухонном столе, и я обожала его до дрожи. Он не царапал мебель, не орал по ночам и, главное, не изменял мне с длинноногой секретаршей, как это сделал его предшественник по званию «мой мужчина», ныне известный как «бывший-козёл-Антон».

Вздохнув, я откусила кусочек батончика и с головой ушла в мыльную оперу. На экране брутальный миллионер (с лицом, перекачанным ботоксом так, что он выражал ровно одну эмоцию — лёгкое удивление) признавался в любви простой официантке, которая не подозревала, что носит под сердцем сразу тройню. Красота. Идеальная жизнь. Ни тебе квартальной отчётности, ни капающего крана, ни внезапной проверки из налоговой. Только страсть, роковые тайны и младенцы, которых всегда рожают в самый неподходящий момент — обычно в лифте или заброшенном амбаре.

Телефон, лежащий на подлокотнике дивана, завибрировал, высветив фотографию моей мамы — женщины, способной своим звонком превратить любой сеанс психотерапии в легкую разминку. Я сбросила звонок, сделав мысленную заметку перезвонить завтра, когда с утра у меня будет больше моральных сил. Мне нужно было досмотреть, как миллионеротреагирует на новость о тройне. Судя по его лицу, он так и остался в состоянии лёгкого удивления.

Именно в этот момент судьба, карма и вселенская несправедливость решили, что я слишком расслабилась.

Сначала раздался хлопок. Не громкий взрыв, а такой, будто где-то на полную мощность включили микрофон, а потом резко выключили. Я вздрогнула, и батончик, описав в воздухе короткую дугу, приземлился прямо на лысую спину Астона. Кот подскочил на всех четырёх лапах, выгнул спину, которой у него по сути не было (одни складки), и издал звук, больше похожий на скрип несмазанной двери, чем на шипение. Он посмотрел на меня взглядом, полным глубочайшего отвращения и предательства, и гордо удалился в сторону кухни, всем своим видом показывая, что наша дружба закончена. Навсегда.

— Астон, милый, это случайно! — взмолилась я, поднимаясь с дивана. — Шоколад же хороший, с орехами!

В ответ из кухни донеслось лишь оскорблённое молчание.

Но хлопок был только началом. За ним последовал низкий, вибрирующий гул, от которого задребезжали стекла в серванте. Мои драгоценные слоники тревожно зазвенели, касаясь друг друга фарфоровыми боками. Гул шёл из квартиры сверху. От моей соседки, Клариссы Бернардовны.

О, Кларисса Бернардовна была отдельной песней в моём и без того не самом спокойном жилищно-коммунальном репертуаре. Ей было глубоко за восемьдесят, но язык не поворачивался назвать её старушкой. Высокая, прямая, как жердь, с копной совершенно седых волос, которые она укладывала в замысловатую конструкцию, напоминающую гнездо аиста, и всегда одетая в длинные, струящиеся одежды невероятных расцветок, она больше походила на эксцентричную гадалку из цыганского квартала, чем на пенсионерку из соседнего подъезда. Соседи её сторонились, считая, мягко говоря, странной. То она травы на подоконнике развесит сушиться, бормоча под нос что-то нечленораздельное, то в полнолуние начнёт переставлять мебель, производя шум, как небольшая строительная бригада.

Единственным человеком, с которым Кларисса Бернардовна поддерживала подобие контакта, была я. Всё началось три года назад, когда в день моего развода, стоя у мусоропровода с

пакетом вещей бывшего мужа (я аккуратно их сложила, я же не зверь), я разревелась. Кларисса Бернардовна бесшумно материализовалась у меня за спиной и, вместо банальных утешений, сказала: «Не реви, дура. Твоё счастье ещё на печи валяется, просто подойти и взять боится». С этими словами она сунула мне в руку странное, терпко пахнущее печенье, от которого на душе сразу стало тепло и спокойно. С тех пор мы не то чтобы дружили, но... соседствовали в тёплом нейтралитете. Я носила ей продукты, когда она забывала их купить, а она иногда угощала меня чаем, который по вкусу напоминал луг после дождя.

Гул сверху усилился. К нему добавился странный треск, похожий на электрические разряды. Слоники на моей полке уже не просто звенели, они начали подпрыгивать. Маленький слонёнок-мышка сорвался с края и с тихим, душераздирающим хрустом упал на пол, лишившись кончика хобота.

Это перешло все границы.

— Алевтина, ты ответственная или кто? — сказала я себе, решительно направляясь к двери. — Там, кажется, человека током бьёт, а ты тут с сериалами!

Конечно, глупо было бы идти без ничего. Если её бьёт током, то надо не лезть в воду, а обесточить квартиру, но где её щиток, я не знала. Поэтому я схватила с вешалки диэлектрик — свои любимые резиновые сапоги, которые носила в дождливую погоду, и, натянув их прямо на домашние треники, выскочила на лестничную клетку. Астон, забыв про обиду, выглянул из кухни и посмотрел на меня круглыми глазами, полными нездорового любопытства.

— Сиди дома! — приказала я ему.

Дверь Клариссы Бернардовны была приоткрыта. Из щели струился не обычный, жёлтый свет лампочки, а мерцающий, переливчатый, сиренево-зелёный, словно там, в прихожей, зажгли огромную неоновую вывеску «Открыто». Я толкнула дверь, приготовившись к самому худшему — к запаху гари, к виду лежащей на полу соседки. Но запах, который ударил мне в нос, был не гарью. Это была смесь озона после грозы, сушёной полыни и чего-то сладкого, как засахаренные фиалки.

— Кларисса Бернардовна! — позвала я, переступая порог. — Вы тут? Это Алевтина снизу! У вас всё в порядке? Свет моргает по всему стояку!

Квартира соседки разительно отличалась от моей. Никакой мебели, стенки «Аллегро» и ламината «под дуб». Это была, скорее, антикварная лавка или жилище музейного смотрителя. Стены были увешаны гобеленами с изображением каких-то мифических существ — единорогов, драконов и просто птиц с человеческими лицами. Повсюду стояли книги в кожаных переплётах, стопки старых свитков, перевязанных лентами, и банки с заспиртованными... я надеялась, что это корнишоны, а не эмбрионы каких-то тварей. В центре гостиной, прямо на паркетном полу, красовался круг, вычерченный чем-то белым, похожим на мел. Внутри круга стояли семь свечей из чёрного воска, которые и были источником того самого мерцающего, потустороннего света.

А в центре круга, воздев руки к потолку и что-то нараспев читая на неизвестном языке, стояла Кларисса Бернардовна. Её гнездо на голове растрепалось, седые волосы стояли дыбом, а глаза сияли тем же сиренево-зелёным огнём, что и свечи. Она была не просто не в себе, она была где-то далеко за пределами себя.

— Кларисса Бернардовна, прекратите! — крикнула я, делая шаг вперёд. В резиновых сапогах я чувствовала себя немного увереннее, но всё равно было страшно. — Это уже не смешно! Вы спалите дом!

Она не слышала меня. Её голос становился всё громче, гул нарастал, в комнате начал формироваться маленький смерч из пыли и сухих листочков каких-то трав. Я поняла, что если сейчас ничего не предпринять, то произойдёт катастрофа. Возможно, взорвётся газ. Или коротнёт всю проводку. Или, что ещё хуже, явится участковый Петренко, а с ним у меня был неприятный разговор о парковке, и видеть его снова не хотелось.

— Кларисса Бернадовна! — заорала я что было мочи и, не придумав ничего лучше, схватила с ближайшей полки первый попавшийся предмет. Это оказалась какая-то мутная зелёная склянка. Я размахнулась и запустила её в центр круга, целясь не в женщину, а в одну из чёрных свечей, чтобы сбить пламя.

Но склянка, описав дугу, полетела куда-то в сторону, словно её отклонила невидимая рука. Раздался звон. Она врезалась в большой напольный предмет, накрытый бархатной фиолетовой тканью. Это была ваза. Огромная, почти в половину моего роста, китайская ваза с пасторальными рисунками, которую Кларисса Бернадовна всегда оберегала пуще глаза, не разрешая даже пыль с неё смахивать.

Звук, который издала разбивающаяся ваза, был не просто звоном фарфора. Это был многоголосый, резонирующий стон, как будто лопнула не одна ваза, а разом тысяча хрустальных бокалов в огромном концертном зале. В тот же миг свечи погасли, гул стих, и Кларисса Бернадовна рухнула на пол как подкошенная. Смерч из трав осел ей на волосы.

Наступила оглушительная, звенящая тишина.

— Боже мой, — прошептала я, бросаясь к соседке. Сердце колотилось где-то в горле. — Кларисса Бернадовна! Вы целы? Простите, я не хотела в вазу! Я в свечу целилась, честное слово!

Я наклонилась над ней, пытаюсь нащупать пульс на тонком, как пергамент, запястье. Пульс был. Неровный, частый, но был. Она дышала. Я с облегчением выдохнула, но расслабляться было рано. Вокруг царил полный разгром: рассыпанные травы, осколки моей зелёной склянки, лопнувшая ваза. Осколки вазы были разбросаны по всему полу. Они были странные. Не просто белый фарфор, а с вкраплениями какого-то мерцающего, перламутрового вещества. И ещё... на них, кажется, проступали буквы. Они светились и гасли, пульсируя, как живое сердце.

Кларисса Бернадовна открыла глаза. Сиреневого огня в них больше не было. Они были обычные, серые, но в них стояла такая вселенская, глубокая усталость, какой я не видела никогда в жизни. Она посмотрела на меня, потом на разбитую вазу, и её бледные губы тронула слабая, горькая усмешка.

— Ну, Аля, — прошептала она своим скрипучим, но всё ещё властным голосом. — Допрыгалась. И ты допрыгалась.

— Я сейчас «скорую» вызову, — засуетилась я, хватаясь за карман, но телефона там не было. Я оставила его дома, на диване. — Я мигом! Вы только лежите!

— Не нужна мне «скорая», — она слабо отмахнулась, с трудом приподнимаясь на локте. — Поздно уже. Вазу разбила. Проклятую вазу.

— Простите, я заплачу! — затараторила я, чувствуя себя виноватой. — Я не специально. Она, наверное, дорогая? Я деньги откладываю на стиральную машину, но я отдам. В рассрочку.

Она посмотрела на меня, как на несмышлёного ребёнка, который сказал какую-то глупость.

— Деньгами не отделаешься, душа моя, — она села, отряхивая с одежды траву. — Этой вазе цены нет. Это не антиквариат. Это был контракт. Моя клетка. И одновременно ключ. А ты её разбила.

Я ничего не понимала. Кровь стучала в висках. В голове была полная каша.

— Кларисса Бернадовна, вы ударились головой? Какая клетка? Какой контракт? Это просто ваза! Очень большая и, признаю, очень дорогая, я в этом ничего не понимаю.

— Садись, — приказала она, кивнув на пуфик рядом с собой. — Стоять будешь — упадёшь. А мне потом с тобой возиться.

Я послушно опустилась на пуфик, обитый вытертым бархатом. Ноги действительно дрожали.

Кларисса Бернардовна взяла с пола один из перламутровых осколков, и он в её руке засветился ровным, тёплым светом, словно она держала маленький ночник.

— Мой срок истёк, — сказала она, глядя на огонёк. — Я сорок лет пряталась в вашем скучном, пресном, невероятно прекрасном мире. Сорок лет никто не мог меня найти. А ты взяла и за один вечер всё перечеркнула. В Академии, наверное, уже тревога сработала.

— В какой академии? — пискнула я.

— В Объединённой Академии Стихийных Невзгод, — отчеканила она. — Лучшем, мать его, учебном заведении для магически одарённых на всём континенте. Откуда я сбежала сорок лет назад, прихватив с собой этот артефакт, который ты так бездарно расколошматила.

Всё. Мозг окончательно перестал подавать признаки жизни. Магически одарённые? Академия? Артефакт? Моя соседка, которая вечно забывала выключать плиту, — сбежавшая из школы для волшебников преступница?

— Вы бредите, — уверенно сказала я. — У вас, наверное, давление скакнуло от этих ваших свечей и курений. Я сейчас всё-таки схожу за телефоном и вызову врача.

Я попыталась встать, но её рука, холодная и цепкая, словно коготь ястреба, вцепилась в моё запястье с неожиданной силой.

— Сиди! — голос её был стальным. — У меня нет времени на твои истерики и твой рационализм. Слушай и запоминай. Ты разбила вазу. Энергия артефакта высвободилась и ударила в ближайший живой объект с подходящим потенциалом. И это не я, Аля. Я своё отпрыгала. Этот объект — ты. Сейчас магический контракт, который я так хитро заточила в эту вазу, переписывается. На тебя.

Я сидела, открыв рот, и глупо хлопала глазами. Она говорила на чистом русском языке, но слова складывались в предложения, лишённые всякого смысла.

— Ты хочешь сказать, — медленно, как для умственно отсталой, проговорила я, — что из-за того, что я случайно разбила вазу, меня теперь... что? Зачислят в Хогвартс? Вызовут на ковёр к Дамблдору?

— Хуже, — она криво усмехнулась. — Дамблдор по сравнению с ректором Мраковым — добрый дедушка-Санта. Тебя вызовут в Академию. Контракт обязывает. Ты займёшь моё место. Моё кресло в совете, мою стипендию и мои проблемы. Ты будешь там чужой, необученной, а твоя сила... ты даже не представляешь, что в тебе спит, девочка. Твоя магия пахнет борщом и безвыходностью, и это, поверь моему опыту, самый опасный коктейль.

Она отпустила мою руку и, крихтя, поднялась на ноги. Я всё ещё сидела в ступоре, переваривая информацию. Моя магия пахнет борщом? Это комплимент или оскорбление?

— Собирайся, — бросила она через плечо, направляясь в свою спальню. — У тебя мало времени. Портал вот-вот откроется. В моём шкафу ты найдёшь кое-какие вещи. Они тебе пригодятся больше, чем мне. И не забудь покормить кота. Пути обратно не будет. Некоторое время.

— Какой портал? Куда собираться? — взвилась я, наконец обретая способность двигаться. Я вскочила и побежала за ней. — Я никуда не поеду! У меня отчёт завтра! Ипотека! Кот! Вы с ума сошли!

В спальне Клариссы Бернардовны всё было заставлено старыми сундуками. Она подошла к одному из них, обитому потускневшей медью, и с неожиданной лёгкостью откинула тяжёлую крышку.

— Твоя ипотека — пыль, — сказала она, роясь внутри. — Твоему коту ничего не будет, за ним присмотрит этот... как его... ну, который всё время в подъезде курит. Серёжа с пятого этажа. Оставь ему ключи. А отчёт... поверь, проблемы магического мира заставят тебя забыть о квартальной отчётности, как о страшном сне.

Я стояла, привалившись к дверному косяку, и чувствовала, как реальность трещит по швам. Голова шла кругом. Это была самая невероятная, самая абсурдная ситуация в моей жизни. И это с учётом того, что мой бывший муж однажды привёл свою любовницу к нам

домой, чтобы «познакомиться поближе и жить одной большой, дружной семьёй». Тогда я справилась методом вызова полиции и метания любимой сковородки. Но сейчас... что делать сейчас?

— Вот, — Кларисса Бернардовна выпрямилась и протянула мне тугой, немного поцарапанный кожаный цилиндр. — Это твой жезл. Точнее, мой. Семейный. Боевой. Достался мне от прабабки. Тебе пригодится. У тебя к нему талант, я чувствую.

Я автоматически взяла цилиндр. Он был тёплым и чуть вибрировал в моей ладони, словно внутри него билось крошечное сердце. Я хотела что-то сказать, возразить, закричать, но язык не слушался.

В этот момент воздух в центре комнаты снова замерцал. На этот раз это был не сиренево-зелёный свет свечей. Прямо из пустоты, на уровне моей груди, начала проступать светящаяся, золотая вязь. Она становилась всё ярче и плотнее, закручиваясь в спираль. Вихрь. Портал.

Кларисса Бернардовна посмотрела на меня. В её глазах больше не было усталости. Только торжество пополам с жалостью.

— Прощай, Аля, — сказала она и легонько, но неумолимо толкнула меня в спину. — Не подведи. Ты была лучшей соседкой, о которой только может мечтать старая ведьма-отшельница. И запомни: не ешь жёлтый снег, не доверяй некромантам и ни в коем случае не влюбляйся в ректора.

Я не успела ни ответить, ни закричать, ни вцепиться в косяк. Золотой вихрь всосал меня, словно пылесос пушинку. Последнее, что я услышала из своей старой, понятной, бухгалтерской жизни, был полный торжества мям Астона, раздавшийся из-за двери.

А потом мир исчез.

Глава 2: О пользе домашних тапочек в межпространственных путешествиях.

Если бы меня спросили, на что похоже путешествие сквозь магический портал, я бы, не задумываясь, сравнила его с процессом отжима белья в центрифуге старой советской стиральной машины. С одним лишь уточнением: в роли белья выступаешь ты сама, а машинка, кажется, находится в свободном падении с десятого этажа, попутно вращаясь вокруг всех трёх осей координат.

Мир вокруг превратился в калейдоскоп из золотых искр, фиолетовых спиралей и мутных, размытых картинок, которые проносились с такой скоростью, что голова пошла кругом уже на первой секунде. Я попыталась закричать, но звук увяз в горле, словно в вате. Попыталась зажмуриться, но веки не слушались. Оставалось только одно: мысленно попрощаться с белым светом и горько сожалеть, что я так и не купила тот новый плащ на осенней распродаже в «МегаМолле». Потому что умирать в старых трениках и резиновых сапогах — это как-то совсем не эстетично.

Мысль о плаще была настолько нелепой и приземлённой, что меня прорвало на истерический смех, который, к счастью, тоже остался беззвучным. Алевтина Брусникина, единственная женщина на планете, которая даже в момент межпространственного переноса думает о шопинге и о том, прилично ли она одета для встречи с вечностью.

Внезапно свободное падение прекратилось. Центрифуга резко остановилась, и меня выплюнуло из золотого вихря с той же бесцеремонностью, с какой несвежая еда покидает желудок после слишком бурной вечеринки. Я не вышла, не выпала, я именно что вылетела из портала и, описав в воздухе короткую, но унижительную дугу, с размаху приземлилась на четвереньки на нечто твёрдое и холодное.

Звук, с которым мои ладони и колени соприкоснулись с полом, был звонким и гулким. Полированный камень. Чёрный, с серебристыми прожилками, безупречно гладкий и, что самое отвратительное, ледяной. Холод мгновенно просочился сквозь тонкую ткань треников и обжёг

колени. Резиновые сапоги, которые я так предусмотрительно надела, всё ещё были на мне, за что я мысленно сказала спасибо своей паранойе. Переноска с Астоном? Где переноска? Я в панике осмотрелась. Переноски не было. Я помнила, что оставила кота дома. Сердце кольнуло тревогой. Бедный, лысый, голодный. Но Кларисса сказала, Серёжа с пятого этажа присмотрит... Если это не было предсмертным бредом безумной старухи.

Перед глазами всё ещё плыли фиолетовые круги, в ушах стоял звон, а желудок настойчиво просился наружу. Я сделала несколько глубоких вдохов, пытаюсь унять дрожь в теле и хоть как-то сфокусировать зрение. Прямо перед моим носом, на безупречно чистом чёрном камне, лежал небольшой предмет. Тот самый кожаный цилиндр, который Кларисса Бернардовна назвала моим жезлом. Он выпал из моей руки, видимо, в момент приземления, и теперь сиротливо валялся, чуть подрагивая. Я машинально сгребла его в ладонь. Он всё ещё был тёплым, и это странное, живое тепло немного привело меня в чувство.

— Мать моя женщина, бухгалтер, — прохрипела я, с трудом ворочая языком. — Куда ж меня занесло?

Я медленно, очень медленно подняла голову.

Лучше бы я этого не делала. По крайней мере, в тот момент. Потому что то, что я увидела, заставило мой и без того подвергшийся жестокому испытанию мозг начать процесс экстренного отключения во избежание короткого замыкания.

Это был не подъезд. Не квартира Клариссы. И даже не больничная палата, куда меня могли бы увезти после того, как я грохнулась в обморок от запаха полыни.

Я стояла на четвереньках в самом центре огромного, ярко освещённого холла, который, казалось, был построен из самого воздуха и света. Пол из чёрного камня простирался во все стороны, настолько обширный, что на нём можно было бы устраивать скачки. Стены, если их можно было назвать стенами, уходили вверх на головокружительную высоту и были сложены из тысяч, нет, миллионов светящихся кристаллов, которые пульсировали мягким, внутренним светом, переливаясь оттенками от небесно-голубого до глубокого сапфирового. Создавалось полное впечатление, что я нахожусь внутри исполинской друзы.

И повсюду были люди. Точнее, не совсем люди.

У одной из хрустальных колонн стояла группа из трёх существ, которые, судя по их безупречным, вычурным одеждам и неестественно правильным, острым чертам лиц, могли сойти за эльфов из самого дорогого фэнтезийного блокбастера. Они смотрели на меня с той смесью брезгливого недоумения и холодного любопытства, с какой посетители зоопарка рассматривают особо нелепого зверька, случайно сбежавшего из вольера.

Чуть поодаль, зависнув в воздухе в позе лотоса и беседуя с парящим рядом призрачным фолиантом, находился молодой человек в чёрной мантии, расшитой серебряными рунами. Его лицо было болезненно-бледным, а под глазами залегли такие глубокие тени, что он больше походил на ожившего мертвеца, чем на студента. Вокруг него витал едва уловимый запах сырой земли и увядших лилий. Некромант? Памятуя наказ Клариссы, я сделала мысленную пометку: «Не доверять. Даже если предложит конфету».

Но самое ужасное было не в эльфах, не в некроманте и даже не в том, что я, похоже, действительно угодила в какую-то магическую академию. Самое ужасное было в тишине. Все разговоры, все передвижения, всё в этом огромном зале мгновенно стихло, как только моя скромная персона, в трениках с вытянутыми коленями, флисовой кофте с пятном от шоколада и резиновых сапогах «Прощай, молодость!», эффектно вывалилась из портала и встала на карачки.

Сотни глаз были устремлены на меня. Сотни. Я чувствовала их взгляды физически, как будто по мне ползали полчища муравьёв. В этих взглядах читалась целая гамма эмоций: от шока и неверия до насмешки и откровенного презрения. Кто-то прыснул в кулак. Где-то слева раздался сдавленный смешок.

Никогда в жизни, даже в тот позорный момент на корпоративе пять лет назад, когда я, перебрав шампанского, попыталась станцевать канкан на столе и уронила в салат «Оливье» бюст директора, я не чувствовала себя настолько униженной, раздавленной и ничтожной. Тогда всё закончилось выговором и неделей перешёптываний за спиной. Сейчас же, судя по всему, последствия могли быть куда более фатальными. Магический трибунал, о котором упоминала Кларисса, уже не казался такой уж бредовой фантазией.

Я судорожно сжимала в руке жезл, мечтая только об одном: чтобы пол разверзся подо мной и проглотил меня навсегда. Или чтобы я сама научилась телепортироваться обратно в свою квартиру, к своему коту, к своему недоеденному шоколадному батончику.

— И что это за явление? — раздался вдруг высокомерный, холодный голос, рассекающий тишину, словно скальпель.

Ко мне, цокая каблучками изящных, явно очень дорогих туфельек, приближалась та самая группа эльфов. Вернее, одна эльфийка из группы. Высокая, стройная, с волосами цвета расплавленного золота, убранными в сложную причёску. Её глаза, ярко-зелёные и раскосые, смотрели на меня, как на мерзкое насекомое, случайно заползшее в её безупречный мир. Она была одета в светло-серый, идеально сидящий на ней костюм, похожий на школьную форму, но сшитую из материала, напоминающего переливающийся шёлк. На груди красовалась брошь с гербом — щит, разделённый на четыре стихии. От неё пахло цитрусами, деньгами и абсолютной, непоколебимой уверенностью в собственном превосходстве.

— Ты заблудилась, человечка? — спросила она, и её губы растянулись в улыбке, которая была какой угодно, но только не дружелюбной. — Портал для прислуги на хозяйственном дворе. Или ты новый экспонат для зверинца на факультете Магической Фауны?

Раздались смешки. Толпа, почуявшая бесплатное развлечение, начала собираться вокруг нас плотным кольцом. Я всё ещё стояла на четвереньках, не в силах подняться. Казалось, что если я сделаю хотя бы одно движение, то разрыдаюсь, закричу или сделаю что-то такое, что опозорит меня ещё больше.

Я подняла взгляд на эльфийку. Её зелёные глаза буквально буравили меня насквозь. Я знала этот тип людей (или нелюдей, чёрт их разбери). Типичная офисная стерва, королева сплетен и интриг, которая самоутверждается за счёт унижения тех, кто слабее. В моём мире я умела ставить таких на место холодным, вежливым тоном, используя табель о нарушении трудовой дисциплины. Здесь у меня не было ни табеля, ни регламента, ни даже капли внутренней уверенности. Я была голой и босой. В прямом смысле, если не считать резиновых сапог.

Я уже открыла рот, чтобы выдать из себя что-то жалкое и унижительное, например, «Извините, я случайно, я сейчас уйду», как вдруг произошло нечто, заставившее всех, включая златовласую эльфийку, замолчать и подобраться.

Толпа в дальнем конце зала пришла в движение и начала расступаться, словно море перед Моисеем. Гул голосов мгновенно сменился настороженной, звенящей тишиной, в которой мои собственные удары сердца звучали как выстрелы.

Сквозь коридор из расступившихся студентов к нам направлялся человек. И даже с моего незavidного положения «паркетной собачки» я поняла: это не просто человек. Это — Хозяин.

Он был высок, плечист и одет в безупречный чёрный костюм-тройку, который сидел на нём с той небрежной элегантностью, какая доступна только очень богатым и очень опасным мужчинам. Его волосы, черные как вороново крыло, были зачёсаны назад, открывая высокий лоб и резкие, словно выточенные из мрамора, черты лица. Тонкий нос, твёрдый подбородок, и глаза... Глаза были цвета тёмного янтаря с вертикальным, кошачьим зрачком, который в данный момент сузился до опасной щёлочки. Вокруг него не было ореола пламени или сияния, но воздух, казалось, вибрировал от сдерживаемой, невероятной силы. Это была аура власти, подавляющая и абсолютная. Мой внутренний бухгалтер, повидавший всяких налоговых

инспекторов, тут же забился в истерике в самый дальний угол моего сознания и притворился мёртвым.

Мужчина остановился ровно напротив нашей группы. Напротив меня. Его взгляд медленно, очень медленно скользнул по моей фигуре: от резиновых сапог, по треникам с вытянутыми коленями, по флисовой кофте с позорным пятном от шоколада, до моего покрасневшего, мокрого от пота лица с, я уверена, размазанной тушью под глазами. Его лицо не выражало абсолютно никаких эмоций, но именно это отсутствие эмоций и пугало больше всего. Ни брезгливости, как у эльфийки. Ни насмешки, как у остальных. Просто холодная, изучающая констатация факта, словно он смотрел на сломанный механизм, пытаясь понять, можно ли его починить или проще выбросить.

— Ректор Мраков, — эльфийка мгновенно растеряла весь свой гонор и присела в глубоком, почтительном реверансе. Её голос дрожал. — Эта... особь... она нарушила покой Академии своим бесцеремонным появлением.

Так вот ты какой, Дамблдор, которого лучше не злить. Ректор Дамиан Мраков. И он был не просто демоном с внешностью греческого бога. Он был демоном-бюрократом. Я кожей чувствовала это.

Он проигнорировал эльфийку, даже не удостоив её взглядом. Его янтарные глаза были прикованы ко мне.

— Ваше имя? — его голос был под стать внешности. Глубокий, низкий, с лёгкой хрипотцой, он резонировал где-то в груди, минуя уши. Это был не вопрос. Это был приказ, не терпящий возражений.

Я сглотнула. Язык прилип к нёбу. Все заготовленные слова извинения, просьбы о помощи и жалкие мольбы о возвращении домой вылетели из головы. Осталось только животное желание выжить, которое включило на полную мощность мой автопилот.

— Бух... — просипела я и закашлялась.

Янтарные глаза чуть сузились. Раздражение? Любопытство? Кто ж его разберёт.

Я сделала ещё одну попытку. Расправила плечи, насколько это было возможно в моей позе, и, с трудом поднявшись с колен, попыталась принять вертикальное положение. Получилось не очень грациозно. Ноги дрожали, резиновые сапоги предательски скрипнули по чёрному камню. Но я стояла. Стояла перед ним, сжимая в одной руке старый кожаный футляр, и смотрела в его нечеловеческие глаза.

— Алевтина Сергеевна Брусникина, — сказала я, и мой голос, к моему собственному удивлению, прозвучал гораздо твёрже, чем я ожидала. Сработала многолетняя привычка представляться полным именем при любом контакте с проверяющими органами. — Бухгалтер. Старший.

В толпе за моей спиной кто-то снова прыснул, но тут же осёкся под ледяным взглядом ректора, который тот на долю секунды перевёл на источник звука. Этого оказалось достаточно, чтобы установить мёртвую тишину.

— Бухгалтер, значит, — задумчиво произнёс ректор, и в его голосе мне почудилась тень какого-то непонятного интереса. Он снова посмотрел на меня, но уже не как на мебель, а как на уравнение, которое внезапно стало сложнее. — Вы хоть понимаете, Алевтина Сергеевна, где вы находитесь?

— Если честно, сэр, — ответила я, лихорадочно соображая. — Я имею лишь смутные и крайне тревожные подозрения на этот счёт. Последнее, что я помню, была моя квартира, соседка с очень странным хобби и разбитая ваза, которая, судя по всему, была не просто антиквариатом.

Он выслушал меня, не перебивая. Его кошачьи зрачки чуть расширились, когда я упомянула разбитую вазу. Он сложил руки за спиной и сделал шаг ко мне. Я инстинктивно отпрянула, но упёрлась спиной в холодный кристалл стены. Бежать было некуда.

— Ваза, говорите, — медленно произнёс он, и в его голосе зазвенела сталь. — Значит, вы та самая «счастливица», которая разбила артефакт Клариссы. Сорок лет мы не могли снять с неё блокировку, сорок лет её кресло в Совете пустовало, а вы явились и решили проблему одним ударом. Слякнкой, я полагаю?

Я поражённо молчала. Откуда он знает про слянку? Может, он видит прошлое? Читает мысли? Я попыталась представить что-нибудь очень скучное, например, инструкцию по заполнению налоговой декларации 3-НДФЛ, на случай, если он и правда копается у меня в голове.

— Я целилась в свечу, — честно призналась я. — В целях пожарной безопасности. Ваза пострадала случайно. Я готова написать объяснительную записку и возместить материальный ущерб, как только вернусь домой.

Ректор Мраков склонил голову набок. Ему, кажется, было искренне интересно это существо, которое стояло перед ним в резиновых сапогах и диктовало условия.

— Вернуться домой? — он едва заметно усмехнулся, но усмешка эта не сулила ничего хорошего. — Вынужден вас разочаровать. Контракт, заключённый на крови Клариссой и запечатанный в ту вазу, которую вы так «героически» разбились, является нерасторжимым. Энергия артефакта нашла новый сосуд. Ближайший. С подходящим потенциалом. Этим сосудом, Алевтина Сергеевна, оказались вы.

— Что значит «сосуд»? — у меня упало сердце. — Я не подписывала никаких контрактов! Я вообще ничего не подписывала, у меня даже ручки с собой нет! Это незаконно! Я буду жаловаться!

— Жаловаться будете в Канцелярию Совета Магов, — отрезал он. — Если доживёте до конца семестра. А пока, в соответствии с магическим правом и Уставом Академии, вы зачислены на факультет Общей Магии, на место отчисленной заочно Клариссы Бернардовны Вереск. Ваша стипендия заморожена до выяснения обстоятельств, проживание в общежитии будет предоставлено. Учебники получите у библиотекаря.

Это был удар под дых. Зачислена? Стипендия? Общежитие? Он говорил это так буднично, словно зачитывал мне приговор по делу о неуплате налогов.

— Пойдите! — взмолилась я. — Какая учёба? Я взрослый, состоявшийся человек! У меня ипотека, ответственная должность, кот-аллергик на лечебном корме! Я не могу просто взять и пойти учиться магии! Я ничего в этом не понимаю!

— Ничего, — спокойно парировал он, и от этого его спокойствия мне стало ещё страшнее. — Научитесь. Или умрёте. Магия не прощает невежества. А контракт, который теперь висит на вас, подобно долговой расписке, не даст вам покинуть стены Академии, пока вы не выполните его условия. Что это за условия, нам и предстоит выяснить. Кларисса всегда была той ещё интриганкой.

Ректор повернулся и, бросив через плечо короткое «Следуйте за мной», зашагал прочь. Эльфы и прочие зеваки брызнули в стороны, освобождая ему путь. Я секунду колебалась, глядя на его удаляющуюся спину. В голове проносились обрывки мыслей. Бежать! Крикнуть: «Пожар!» и попытаться скрыться. Но куда? Я понятия не имела, где выход из этого хрустального лабиринта. И потом, этот его аргумент: «Научитесь. Или умрёте» — звучал очень, очень убедительно.

Смирившись со своей участью, я поплелась за ним, цокая резиновыми сапогами по безупречному полу. Кожаный цилиндр, мой жезл, я всё ещё сжимала в руке. Он был единственной физической связью с моей прошлой жизнью, с Клариссой, с моим миром. Моим якорем в этом безумном, сияющем аду.

Я шла и смотрела на спину ректора Мракова. Широкая спина, обтянутая дорогим сукном. Уверенная, тяжёлая поступь хищника, который знает, что он на своей территории. Ни одного лишнего движения. Идеальная осанка.

Кларисса предупреждала: «Не влюбляйся в ректора». Я чуть не фыркнула вслух. Влюбляться? В этого высокомерного, холодного, каменного истукана, который только что угрожал мне смертью тоном, каким диктуют список покупок? Да ни за что. Ни за какие коврижки. Пусть он хоть трижды демон с внешностью греческого бога, мой внутренний бухгалтер скорее влюбится в новую версию Excel, чем в такое ходячее стихийное бедствие с функцией подавления воли.

Я буду умницей. Я выполню этот чёртов контракт, что бы там ни было, найду лазейку в уставе и вернусь домой. К моему коту. К моим слоникам. К моему скучному, пресному и невероятно прекрасному миру, где самая большая магия — это когда квартальный отчёт сходится с первой попытки.

Но судьба, как обычно, имела на мой счёт совсем другие планы. И они начали реализовываться сразу же, как только мы подошли к массивной, чёрной, как сама бездна, двери с табличкой «Ректор Дамиан А. Мраков. Приём по вопросам жизни и смерти с 9:00 до 18:00. Перерыв на обед и Апокалипсис — по предварительной записи».

Глава 3: Факультет Общей Магии, или Куда приводят мечты о спокойной старости.

Дверь в кабинет ректора захлопнулась за моей спиной с мягким, но каким-то очень уж окончательным звуком, похожим на вздох умирающего великана. Я осталась стоять в коридоре, всё ещё сжимая в руке футляр с жезлом и чувствуя себя так, будто меня пропустили через гигантскую мясорубку, а потом, для верности, ещё и отбили кухонным молотком. Разговор с ректором Мраковым нельзя было назвать беседой. Это был допрос, перемежающийся с лекцией по местному законодательству и демонстрацией того, насколько ничтожно мое существование в масштабах Вселенной.

Он не угрожал. Он просто констатировал факты. Факты же были таковы: я — новый студент факультета Общей Магии, мой магический потенциал, хоть и «варварски не разбужен», оценивается как «потенциально опасный для окружающих и её самой», контракт Клариссы нерасторжим, а любая попытка побега будет караться «немедленной депортацией в Междумирье», которое он описывал как место, полное «непередаваемого ужаса и отсутствия кофе». Последнее пугало почему-то больше всего.

Он также дал мне расписание, похожее на древний свиток, который сам разворачивался в воздухе, стоило к нему прикоснуться, карту Академии, похожую на трёхмерную голограмму, и ключ от комнаты в общежитии — маленький светящийся кристалл, который следовало носить в кармане. Ах да, и ещё он сообщил, что моя стипендия заморожена до выяснения обстоятельств «инцидента с артефактом». То есть, по факту, я была нищей студенткой без гроша в кармане в мире, полном магии, опасностей и эльфов, смотрящих на меня, как на грязь под ногтями. Идеально. Просто идеально. Моя ипотека в мире людей сейчас рыдала в одиночестве, и я её прекрасно понимала.

И вот теперь, когда дверь закрылась, оставив меня наедине с гулким коридором, меня накрыло. Не истерика, нет. Глубокое, всепоглощающее чувство нереальности происходящего, смешанное с экзистенциальным ужасом и каким-то извращённым, бухгалтерским азартом. «Адаптируйся, — сказала я себе, стараясь дышать ровно. — Ты пережила налоговую проверку 2017 года. Ты пережила развод и раздел имущества, где он пытался отсудить твоих слоников. Ты переживёшь и это. В конце концов, это просто ещё одна бюрократическая система, только с добавлением драконов. Везде бумажки, просто здесь они летающие».

Следуя указаниям голограммы-карты, которая услужливо подсвечивала маршрут, я поплелась в сторону жилого крыла, которое здесь гордо именовалось «Дортуарами Стихий». Название навевало мысли о чём-то среднем между монастырём и казармой. Реальность оказалась где-то посередине. Огромный коридор с высоченными сводчатыми потолками был разде-

лён на множество дверей, каждая из которых светилась своим, уникальным оттенком, в зависимости от факультета проживающего. Моя дверь, как и следовало ожидать, светилась ровным, скучным белым светом — цветом факультета Общей Магии. Цветом «всего и ничего», как выразился ректор.

Кристалл в моём кармане завибрировал, когда я приблизилась, и дверь бесшумно отъехала в сторону.

Комната, представшая моему взору, была... неожиданно приятной. Я ожидала увидеть аскетичную келью с соломенным тюфяком и ведром в углу, но вместо этого очутилась в небольшом, но очень уютном помещении, которое сочетало в себе средневековый шарм и современный комфорт. Два окна стрельчатой формы выходили на внутренний двор, залитый магическим, тёплым светом, хотя за окном, кажется, была глубокая ночь. У стен стояли две кровати с балдахинами из лёгкой, струящейся ткани, застеленные покрывалами цвета слоновой кости. Два письменных стола, заваленных пергаменами и какими-то приборами. Два платяных шкафа из тёмного, почти чёрного дерева. И, о чудо из чудес, у одной из кроватей на прикроватной тумбочке стоял на подзарядке самый обычный телефон. Значит, цивилизация сюда всё-таки добралась, хоть и в странной форме.

И именно над этой тумбочкой, склонившись над толстенным фолиантом в кожаном переплёте, сидела моя соседка.

Когда эльфийка из холла назвала меня «человечкой», это было оскорбление. Но сейчас, глядя на эту девушку, я могла честно сказать: да, я человечка. Самая обыкновенная, серая, земная человечка, по сравнению с этим созданием.

Она была прекрасна той нежной, фарфоровой красотой, которая бывает только у эльфов на картинках, но в жизни казалась совершенно нереальной. Длинные, прямые волосы цвета спелой пшеницы струились по плечам и спине, доставая почти до пояса. Огромные глаза, синие, как весеннее небо, смотрели на мир с выражением безграничного, почти детского любопытства. Острые, изящные ушки чуть подрагивали, когда она перелистывала страницы. Она была одета в ту же серую форму, что и все студенты, но на ней она сидела как платье от-кутюр, подчёркивая тонкую, почти воздушную фигуру. От всей её сущности веяло такой чистотой, искренностью и наивностью, что я сразу почувствовала себя рядом с ней старой, прожжённой жизнью циничной тёткой.

Она подняла голову, услышав звук открывшейся двери, и её глаза, и без того большие, расширились до размеров блюдца.

— О! — воскликнула она мелодичным, словно звон серебряного колокольчика, голосом. — Вы, должно быть, моя новая соседка! Та самая, из мира людей! Та самая, которая разбила вазу бабушки Клариссы!

Ну вот. Слава обо мне бежит впереди паровоза. Интересно, тут уже делают ставки на то, сколько дней я продержусь? Я попыталась выдавить из себя вежливую улыбку.

— Алевтина. Можно просто Аля. И я её не разбивала, это была чистая случайность, подкреплённая моим метким попаданием склянкой в свечу.

— О, я Лиара! — прошептала она, подсакивая с кровати и подбегая ко мне с грацией балерины. — Лиара из Дома Поющей Воды! Это так волнительно! Настоящая попаданка! Я читала о таком только в старых хрониках!

Она схватила мои руки в свои, и я чуть не ахнула. Её пальцы были прохладными и мягкими, как шёлк. Но что меня поразило больше, так это её аура. От неё исходило почти осязаемое тепло доброты и искреннего дружелюбия. Такого со мной не случалось со времён начальной школы, пока не начались подростковые интриги. Я, привыкшая к вежливому оскалу коллег и скрытым манипуляциям бывшего мужа, просто растерялась.

— Дом Поющей Воды? — переспросила я, чтобы хоть что-то сказать и высвободить руки. — Это имеет отношение к водопроводу?

Лиара засмеялась. Её смех был похож на перезвон маленьких хрустальных колокольчиков.

— Нет, конечно! Это один из Древних Домов Эльфийского Королевства. Наш род покровительствует стихии Воды. Моя магия течёт и переливается, как ручей. А моя специализация — целительство. Я хочу стать лучшим целителем в Семи Королевствах! А какая у вас специализация, леди Алевтина?

— Зови меня Аля, — я прошла к своей кровати и с облегчением опустилась на мягкое покрывало. Ноги гудели. — Моя специализация — квартальная отчётность, сверка счетов-фактур и минимизация налоговых рисков. Но, боюсь, здесь это не очень востребовано.

Лиара склонила голову набок, как любопытная птичка, переваривая информацию.

— Это какая-то древняя, забытая магия? Звучит очень сложно и могущественно! Ритуалы с цифрами и тотемными таблицами?

Я невольно улыбнулась. А что, звучит красиво. «Магия цифр и тотемных таблиц». Надо запомнить.

— Можно и так сказать, — вздохнула я. — Но, судя по всему, мой потенциал, как выразился наш уважаемый ректор, лежит в несколько иной плоскости. В плоскости «варварски не разбужен». Так что я даже не знаю, к чему у меня талант. Разве что к разбиванию дорогих ваз.

— О, это всё объяснимо! — воскликнула Лиара, присаживаясь на край моей кровати. — Бабушка Кларисса была величайшим артефактором своего времени. Она могла вдохнуть жизнь в любой предмет. Но она была... немного эксцентричной. И её магия часто работала самым непредсказуемым образом. Говорят, она единственная, кто смог сварить «Зелье Непредвиденных Последствий» и выжить! То, что артефакт отреагировал на вас, значит, что вы очень сильны! Просто ваша сила пока спит. Как дракон в пещере!

Сравнение со спящим драконом мне понравилось куда больше, чем с неоплаченным кредитом. Я начала потихоньку оттаивать. Лиара была удивительно приятной особой. Она не смотрела на меня сверху вниз, не насмехалась. Ей было по-настоящему интересно.

— Лиара, — спросила я, сбрасывая наконец опостылевшие резиновые сапоги и с наслаждением вытягивая ноги. — Признайся честно, как на духу. Я выгляжу настолько ужасно, насколько я себе это представляю?

Лиара окинула меня серьёзным, изучающим взглядом, словно сканировала на предмет повреждений.

— Ваша одежда, — деликатно начала она, подбирая слова, — она... очень практичная. И функциональная. Я ещё не видела таких материалов. Но, возможно, для первого учебного дня стоит подобрать что-то более... традиционное? У меня есть запасная форма! Мы почти одного роста.

Она подскочила и, не дожидаясь моего ответа, метнулась к своему шкафу. Через минуту она уже раскладывала передо мной на кровати комплект серой студенческой формы. Она была почти такой же, как у всех, но с деликатной серебряной вышивкой по вороту, обозначающей факультет Общей Магии.

— И ещё, — Лиара замялась, и её фарфоровые щёчки порозовели. — Ваше лицо... Оно усталое. И эти тёмные круги под глазами... Вас мучают ночные кошмары? Я могу приготовить успокаивающий отвар!

— Это меня мучает не кошмар, а жизнь, — честно призналась я. — Но от отвара не откажусь. И от формы тоже. В этом мире, судя по всему, встречают по одежке, а провожают... ну, я надеюсь, не сразу в Междумирье.

Пока я переодевалась в крошечной, но очень чистой ванной комнате, примыкавшей к нашей спальне, Лиара без умолку щебетала, вводя меня в курс дела. Я узнала, что Объединённая Академия Стихийных Невзгод — старейшее и престижнейшее учебное заведение, где обучаются не только эльфы и люди, но и гномы, дриады, оборотни и даже пара троллей на стар-

ших курсах. Что наша Академия стоит на нейтральной территории, и ею управляет Совет, но ректор Мраков имеет почти единоличную власть. Что преподаватели — это отдельная песня, смесь гениев, безумцев и тех, кто просто слишком стар, чтобы искать другую работу. И что завтрак пропускать не рекомендуется, потому что местная еда не только вкусная, но и магически заряженная, и без неё к третьему занятию можно свалиться в голодный обморок.

— Первое занятие завтра? — спросила я, выходя из ванной и чувствуя себя почти человеком. Форма сидела как влитая, что было немного подозрительно. Она подстраивалась под фигуру. Магия, чтоб её.

— Сегодня, — беззаботно ответила Лиара, протягивая мне дымящуюся кружку с чем-то, пахнущим летним лугом. — Через три часа. Первая пара — Зельеварение у профессора Гремюара. Это в Восточной башне. Я покажу дорогу.

Перспектива учиться варить зелья у профессора с фамилией Гремюар, которая буквально переводится как «учебник колдовства», не вызвала у меня ничего, кроме глухого раздражения. Но выбора не было. Я сделала глоток отвара, и по телу разлилось приятное, сонное тепло. Тревоги немного отступили. Я поняла, что зверски, просто неприлично хочу есть.

— Сначала завтрак, — сказала я, ставя кружку. — А потом посмотрим на этого вашего Гремюара. Уверена, всё пройдет отлично. Что может пойти не так на первом занятии?

Три часа спустя я стояла в огромной, мрачной лаборатории Восточной башни, вдыхая запах серы, сушёных жабьих лапок и чьего-то разочарования, и горько жалела о своём утреннем оптимизме. Я получила ответ на свой риторический вопрос. На первом занятии могло пойти не так абсолютно всё.

Лаборатория зельеварения была похожа на помесь алхимической пещеры и больничного морга. Ряды каменных столов, уставленных горелками, колбами, ретортами и банками с заспиртованными ингредиентами, от вида которых меня начинало подташнивать. Студенты — та самая златовласая эльфийка (теперь я знала, что её зовут Селестина и она с факультета Воздуха), некромант из холла и ещё с десятков таких же высокомерных физиономий — стояли по двое за столами и ждали профессора. Лиара, моя добрая фея, не отходила от меня ни на шаг, подбадривая.

Профессор Гремюар появился со звуком хлопка, соткавшись из облака фиолетового дыма прямо на кафедре. Это был низенький, толстый человечек с огромными, выпученными, как у стрекозы, глазами, в которых горел огонь маниакального превосходства. Он был одет в мантию, когда-то, видимо, зелёную, а сейчас покрытую таким количеством подозрительных пятен, что она напоминала палитру сумасшедшего художника.

— Свежая кровь! — провозгласил он, обводя аудиторию своим выпуклым взглядом, который остановился на мне. — А в особенности — одна очень интересная особь, которая, говорят, умудрилась разбить артефакт, не поддавшийся лучшим умам Академии! Это надо же такому случиться! Позор для факультета, вот что я вам скажу!

Я стиснула зубы. Лиара сочувственно погладила меня по рукаву. Селестина с факультета Воздуха издала смешок.

— Сегодня, — продолжал Гремюар, прохаживаясь между рядами, — мы будем варить простейшее зелье. «Эликсир Ясного Взора». Всего три ингредиента: корень валерианы, настойка на лунных цветах и капля росы с паутины, собранной на рассвете. Рецепт до безобразия прост, но даже в нём некоторые бездари умудряются найти способ провалиться! Посмотрим, посмотрим...

Он начал диктовать последовательность действий. Руки у меня дрожали. Всё оборудование было мне в диковинку. Горелка зажигалась не спичкой, а касанием пальца, что было удобно. Но вот пропорции... ровно три лепестка лунного цветка, измельчить в ступке пести-

ком, но не металлическим, а каменным. Иначе вступит в реакцию с серебром и будет взрыв. Я занервничала ещё больше. Я привыкла работать с цифрами, а не с пестиками.

Первые два этапа прошли относительно спокойно. Корень валерианы был порезан, лунные цветы измельчены. Лиара работала рядом, чётко и грациозно, её зелье в колбе уже приобрело нежно-голубой оттенок и испускало приятное свечение. У всех остальных дело тоже спорилось. Даже у некроманта, чьё зелье было подозрительно сизым, но хотя бы не взрывалось.

Оставался последний ингредиент. Роса с паутины, собранной на рассвете. Я взяла маленькую пипетку, набрала в неё несколько капель из пузырька, и аккуратно, как мне казалось, начала отсчитывать капли в свою колбу, где уже бурлила мутная, зеленоватая жижа.

— Одна, две, три...

И тут профессор Гремуар возник прямо у меня за спиной. Я почувствовала его кислое дыхание на своей шее.

— Ну-с, госпожа Разрушительница Артефактов, — прошипел он так, чтобы слышали все. — Покажите нам, на что вы способны. Удивите нас. Судя по вашему внешнему виду, вы и простое-то зелье от похмелья сварить не в состоянии, не то что «Эликсир Ясного Взора». И зачем таких, как вы, вообще допускают к обучению? Только инвентарь портить.

Его слова подействовали на меня, как удар бича. Рука, держащая пипетку, дрогнула. И вместо одной, последней, четвёртой капли, в колбу плюхнулось, наверное, штук пять. Я замерла.

В колбе что-то угрожающе забулькало. Цвет жидкости начал стремительно меняться с мутно-зелёного на ядовито-фиолетовый. От зелья повалил густой, искрящийся дым, и оно начало увеличиваться в объёме, заполняя колбу с пугающей скоростью.

— Берегись! — крикнула Лиара, но было уже поздно.

Раздался оглушительный «БА-БАХ!», и колба в моих руках взорвалась фонтаном фиолетовой, дурно пахнущей субстанции. Я инстинктивно зажмурилась и вскинула руки, защищая лицо, но основная масса зелья, подчиняясь какой-то извращённой физике магического взрыва, устремилась не в стороны, а прямо вверх и вперёд. Прямо на профессора Гремуара, который как раз наклонился, чтобы насладиться моим позором.

В лаборатории воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь звоном падающих на пол осколков и капаньем зелья со стола.

Я медленно открыла глаза.

Профессор Гремуар стоял, окаменев, словно соляной столп. С его головы, лица, плеч и мантии ручьями стекала густая, липкая, переливающаяся всеми оттенками фиолетового жидкость. Он проморгался, открыл глаза, и мы все увидели, что даже его белки приобрели лёгкий сиреневый оттенок. Его выпученные глаза стали похожи на две раздавленные фиолетовые сливы.

Он открыл рот, но из него вырвался только сдавленный хрип. Его лицо, видимое сквозь слой краски, пошло багровыми пятнами — единственное, что не стало фиолетовым. Это была не просто ярость. Это был шок, унижение и осознание, что прямо сейчас его непререкаемый авторитет был публично и самым нелепым образом подорван.

— Ты... — прохрипел он наконец, тыча в меня трясущимся пальцем. — Ты... бездарность! Человеческое отродье! Ты мне за это ответишь! Я лично прослежу за тем, чтобы тебя вышвырнули из Академии с таким позором, о котором будут слагать легенды!

Он резко развернулся, взметнув лапами своей фиолетовой мантии, и, оставляя на полу липкие следы, быстрым шагом вылетел из лаборатории. Дверь за ним захлопнулась с оглушительным грохотом.

Тишина. Звонящая, полная ужаса и скрытого злорадства. Я стояла, не в силах пошевелиться, глядя на осколки колбы и фиолетовые подтёки на своём столе. Моё сердце стучало где-то в пятках. Я уничтожила лабораторное оборудование, сорвала занятие и нажила себе смер-

тельного врага в лице преподавателя. И это был мой первый учебный день. Даже до обеда я не продержалась без катастрофы.

— О, духи предков, — прошептала Лиара, с ужасом глядя на дверь. — Аля... что ты наделала? Это же был профессор Гремур! Самый злопамятный профессор во всей Академии!

— Я знаю, — мой голос прозвучал глухо и безжизненно. — Кажется, я только что подписала себе смертный приговор. И на этот раз не в переносном смысле.

Я опустилась на стул, чувствуя себя абсолютно разбитой. Остальные студенты начали перешёптываться, бросая на меня взгляды, полные кто сочувствия, кто откровенного торжества. Селестина послала мне ослепительную улыбку, полную яда, и что-то зашептала на ухо некроманту. Тот кивнул, не сводя с меня своего жутковатого взгляда.

Я же думала только об одном. Слова ректора Мракова: «Научитесь. Или умрёте». Кажется, второй вариант становился всё более и более реальным. И впервые за всё время я пожалела, что не осталась в своей уютной двушке умирать от скуки и квартальных отчётов. Это хотя бы было предсказуемо.

Глава 4: Фиолетовый туман, или Закон подлости в действии.

Меня не отчислили сразу. Это, наверное, можно было считать победой. Маленькой, жалкой, с горьким привкусом фиолетового зелья на губах, но всё же победой. Хотя, если честно, в тот момент я была не уверена, что отчисление — это худшее, что могло со мной произойти. Остаться в Академии и дальше испытывать на себе презрение преподавателей и насмешки студентов казалось наказанием куда более изощрённым и долгим.

После того, как профессор Гремур, похожий на разъярённого, фиолетового барсука, вылетел из лаборатории, Лиара, моя святая покровительница и единственный островок адекватности в этом безумном мире, практически силой вывела меня из аудитории под градом косых взглядов и приглушённых смешков.

— Не слушай их, — шептала она, ведя меня по бесконечным, гулким коридорам. — У всех бывают неудачи. Ну, почти у всех. Просто у тебя она получилась очень... эффектной. Ты видела лицо Селестины? Оно было зеленее твоего зелья до взрыва! От зависти!

Я не отвечала. Меня била мелкая, противная дрожь, а в голове навязчивым мотивом крутилась одна мысль: «Я опозорилась. Прилюдно. Перед человеком, который теперь мечтает стереть меня в порошок». Это было даже хуже, чем корпоратив с канканом. Тогда я просто выставила себя душой перед коллегами, которых, по большому счёту, не сильно уважала. Здесь же я выставила себя душой перед сверхъестественными существами, которые могли меня проклясть, превратить в жабу или, что ещё хуже, сделать объектом насмешек на ближайшие несколько лет. Унижение жгло изнутри похуже всякого зелья.

Мы вернулись в нашу комнату. Я рухнула на кровать, не раздеваясь, и устала в потолок, где медленно переливались магические руны, создающие иллюзию звёздного неба. Красиво. Убаюкивающе. Но даже это не могло унять ту внутреннюю бурю, что клочкотала у меня в груди.

— Мне нужно подумать, Лиара, — сказала я тихо. — Пожалуйста. Я скоро приду в себя.

Лиара понятиливо кивнула. Она была удивительно тактичной для той, что казалась такой восторженной и наивной.

— Конечно, Аля. Я буду в библиотеке, готовиться к следующему занятию. Если что, мой амулет связи всегда со мной. Просто прикоснись к своему кристаллу-ключу и произнеси моё имя, он передаст сообщение.

Она бесшумно выскользнула за дверь, оставив меня одну. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь моим собственным, всё ещё сбившимся дыханием. Я закрыла глаза и попыталась собрать мысли в кучу.

Итак, факты. Факт первый: я — студентка магической академии. Факт второй: моя магия, если она вообще существует, работает исключительно в режиме «разрушительный взрыв». Факт третий: один из самых влиятельных профессоров хочет моей крови. Факт четвёртый, и самый ужасный: я понятия не имею, что мне делать дальше. Мои многолетние навыки решения проблем, отточенные на квартальных отчётах и конфликтах с налоговой, здесь были абсолютно бесполезны. Здесь не было инструкций, не было регламентов, не было даже знакомой кнопки «Отменить действие». Только магия, интриги и всеобщая, давящая неизвестность.

Я вспомнила слова Клариссы: «Твоя магия пахнет борщом и безвыходностью». Что ж, сейчас я источала такой концентрированный аромат безвыходности, что, наверное, могла бы зачаровать целый полк. Но легче от этого не становилось.

Внезапно кристалл-ключ в кармане моей формы завибрировал и засветился холодным, синим светом. Я вздрогнула и вытащила его. По его граням, словно бегущая строка на вокзальном табло, скользили золотые буквы: «Алевтина Брусникина. Факультет Общей Магии. Немедленно явитесь в кабинет ректора. Мраков».

Вот и всё. Отчислит. Или превратит в ту самую жабу. А может, сразу депортирует в Междумирье, где нет кофе. Сердце ухнуло в пятки. Я с трудом поднялась с кровати, чувствуя себя приговорённой к казни. Поправила форму, попыталась пригладить волосы, в беспорядке рассыпавшиеся по плечам, но, взглянув в маленькое зеркальце на стене, поняла, что это бесполезно. Из зеркала на меня смотрела бледная, осунувшаяся женщина с красными глазами и выражением лица человека, который только что узнал, что его любимый сериал закрыли на самом интересном месте.

Путь до кабинета ректора я помнила смутно. Ноги несли меня сами, а в голове я репетировала прощальную речь. «Уважаемый ректор Мраков, я приношу свои глубочайшие извинения за испорченный инвентарь и моральный ущерб, нанесённый профессору Гремуару. Я готова возместить всё до последней копейки и немедленно покинуть Академию...» Нет, про копейки не пойдёт, здесь другая валюта. «Возместить до последней золотой монеты»? Или у них тут драконьи чешуйки в ходу? Я понятия не имела.

Дверь с табличкой «Приём по вопросам жизни и смерти...» открылась сама собой, едва я приблизилась. Ректор Мраков сидел за своим огромным столом из чёрного камня и что-то писал в массивном гроссбухе длинным, явно дорогим пером. Он даже не поднял головы, когда я вошла и замерла у порога, переминаясь с ноги на ногу.

— Присаживайтесь, Алевтина Сергеевна, — произнёс он своим низким, резонирующим голосом, не отрываясь от писанины.

Я послушно опустила на краешек жёсткого стула для посетителей, стоящего напротив его стола. Тишина в кабинете была такой густой, что её, казалось, можно было резать ножом. Слышен был только скрип пера по пергаменту да мой собственный, предательски громкий пульс.

Наконец он отложил перо в сторону, поднял на меня свои янтарные глаза с вертикальными зрачками и сложил руки в замок. Его взгляд был, как и прежде, непроницаем. Ни злости, ни насмешки, ни сочувствия. Только холодный, профессиональный интерес учёного, изучающего подопытный образец.

— Я осведомлён об инциденте в лаборатории зельеварения, — начал он без предисловий. — Профессор Гремуар уже написал... подробный доклад. Очень подробный. И очень эмоциональный. Он настаивает на вашем немедленном отчислении и применении дисциплинарных санкций вплоть до временной блокировки магического дара. По его мнению, вы представляете угрозу для себя и окружающих.

Я сглотнула. Комок в горле был размером с теннисный мяч. Блокировка дара? Я даже не знала, что его можно блокировать. Но звучало это ужасно.

— Ректор Мраков, — начала я, и голос предательски дрогнул. — Я хочу сказать, что я...

Он поднял руку, заставляя меня замолчать. Одно-единственное, лёгкое движение, но оно подействовало, как приказ.

— Я знаю, что вы хотите сказать. Вы хотите извиниться, взять всю вину на себя, предложить возместить ущерб и, скорее всего, попроситься обратно в свой мир. Я прав?

Я поражённо кивнула. Он что, мысли читает? Я снова попыталась представить что-то очень скучное, например, заполнение формы Р14001 при смене директора ООО. Там столько нюансов, что любой телепат заснёт на пятой минуте.

— Я отклоняю прошение профессора Гремуара, — сказал он, и я чуть не свалилась со стула. — Не потому, что я добрый или снисходительный. Я не добрый и не снисходительный. Я справедливый. И справедливость в данном случае требует более детального расследования.

Он поднялся из-за стола и подошёл к высокому стрельчатому окну, за которым бушевала магическая буря — явление, по словам Лиары, обычное для этого времени года в мире Академии.

— Ваша реакция в лаборатории была не просто ошибкой, — продолжил он, глядя на всполохи молний. — Это была магическая отдача. Неправильно рассчитанная, дикая, необузданная, но сила. Вы добавили в зелье не пять капель росы, а одну, но туда хлынул поток вашей собственной, неконтролируемой энергии. Энергии, которая по своей природе несовместима со стандартными рецептами. Энергии, которая, судя по всему, является уникальной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.